

Я
ГОРЮ,
КОГДА
НЕ
ВИДЯТ

ПЕТТЕР ЛОКХЕЙМ

18+

Петтер Локхейм

Я горю, когда не видят

«Автор»

2026

Локхейм П.

Я горю, когда не видят / П. Локхейм — «Автор», 2026

Марианна Брукс уверена, что знает цену успеху. Гарвард за плечами, впереди — юридическая карьера в Нью-Йорке, фирма отца, безупречное резюме и жизнь, в которой нет места случайностям. Главное — не сомневаться, не отвлекаться на лишнее. Но в «Гамильтон Холле», старинной академии среди лесов Вермонта, все устроено иначе. Здесь знания становятся оружием, дружба — испытанием, репутация — ловушкой, а философия — выбором. Марианна быстро понимает: в этом месте недостаточно быть умной. Нужно решиться быть собой. Новые друзья, чужие ожидания, готические башни, загадочный профессор и вопросы, от которых невозможно спрятаться, постепенно разрушают ее прежнюю уверенность. Потому что самый страшный выбор — не между карьерой и любовью, а между жизнью, которую для тебя придумали, и жизнью, которую ты боишься выбрать сама. Dark academia без простых ответов: о взрослении, амбиции, одиночестве и чувствах. И любовь в этом мире не слабость, а единственное, чему она так и не научилась.

© Локхейм П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. ГАМИЛЬТОН ХОЛЛ.	10
ГЛАВА 2. МОРВЕЙН — ПАСТЫРЬ МОЙ.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Петтер Локхейм

Я горю, когда не видят

ПРОЛОГ

«Все было зря.

Мой год жизни горит пламенем, пока я пишу эти строки.

И это никакая не вычурная метафора для красивого текста. Этот дневник никто не прочитает, он пишется ради меня, как память. Эту память мне хотелось бы выбросить из головы и проклясть, не наблюдая более, не видя даже бликов от ее разбитых осколков.

Моя рукопись горела.

Моя новая книга.

Я думал, что могу написать ее. Потратил уйму времени. Прошлый год мне казался плодотворным. Текущий год был похож на каторгу. Каждая строка сопротивлялась, как порванная гитарная струна, способная убить мелодию. И я не знал, что делать. Знал, на самом деле. Но ничего поделать не мог.

Автор пишет книгу до поры до времени. Далее книга может начать писать автора.

Так у меня и получилось.

Так я потерял контроль.

И это ни к чему не привело. Жалкий посредственный балаган фраз и шаблонных событий. Попытка вернуться в Нью-Йорк и погрузиться в жизнь Уолл-стрит. Да, я знаю, злостный читатель-критик прямо сейчас строчил бы свой пасквиль на тему: «Он уже писал такой роман, неужели у Адриана Морвейна исчерпалась фантазия и он повторяется, как бездарный писака, способный писать лишь пародии на самого себя и свой успех». Все мы бездарные писаки. Все мы пародия на собственную жизнь, отраженная в тексте, ярким слепком оставшейся на стене тени, как при ядерном взрыве. Никакого человека — лишь его очертания, как напоминание о том, что он когда-то был.

Может, мне выбрать мой любимый Бостон тем самым городом? Или Чикаго? Зависит ли вообще что-то от места? Или если история мертва, то место ее не спасет? Мне точно не спасало место. И все же я понимал, что без места я тоже теряю себя. Столько лет я уже не был на любимой Корсике. Мой дом наверняка порос паутиной и плющом, пустует, даже несмотря на то, что милый Франсуа шлет мне отчеты каждый месяц о том, что посещает его и проводит уборку, а также небольшой ремонт. Я плачу ему щедрое жалование за созерцание моего дома. Наверное, хорошая работа — жить на Корсике, пить апероль по утрам и бокал красного перед сном, ухаживать за чужими домами и наслаждаться непревзойденным морским воздухом, от которого даже дышится иначе, чем в холодных стенах баини в заснеженном и мокром Вермонте.

И парадокс моего проклятья в том, что, как только я подумываю отправиться на Корсику, хотя бы зимой, куда уж летом, то нахожу для себя тысячу причин этого не делать, полсотни записей в календаре, на которые я дал согласие и обещания, и не меньше десятка отговорок, ведь будет еще один год, еще одна зима или лето, кто его знает. И лето наступает следом. Зима катится чередом, а я снова придумываю калейдоскоп из отговорок, когда мой календарь забит под завязку, как у топ-менеджера компании. А ведь в моей компании я один: Адриан Морвейн — профессор, автор бестселлеров, несостоявшийся поэт, почти успешный музыкант и интеллектуальное лицо писательского успеха. Картинка. Образ. Его все хотят

видеть. Он очаровывает, пьянит и сводит с ума. Всех, кроме меня. Ведь я — это не он. А он — это не я. И все же я — это он. А он — это, так и быть, я.

Знаете, как пахнет сгоревшая рукопись?

Никак.

Я не отличу запах поленьев из камина и запах несбывшихся надежд.

Это один и тот же запах.

Но второй создает неприятный привкус, а первый дарит тепло.

Еще один забавный парадокс, подмеченный мной сегодня.

Полагаю, мне нужен ветер в лицо, чтобы развеять свою тоску. Она впивается в меня своими острыми клешнями, цепляется за одежду, пытаюсь пробраться под нее режущими мандибулами, жаждущими моей уставшей плоти.

Лишь я и ветер.

Лишь я и свобода».

Из личного дневника Адриана Морвейна, сентябрь 2025.

* * *

Почти час его байк колесил по дорогам северного Вермонта. Ему удалось подобраться к самой границе с Канадой. Хочешь — нырни в лес и окажешься по ту сторону в чужой стране. Морвейн думал про себя, что, должно быть, смешно, что он столько путешествовал по Европе, побывал в местах, о которых тут даже никто не слышал, но при этом ни разу не пересек границу Канады, которая находилась в каком-то получасе езды от «Гамильтон Холла». В этом была какая-то своя ирония, когда ты избираешь свой путь, но, пока идешь по нему, совсем не замечаешь вещи рядом с собой. Наверное, стоит как-нибудь выбраться в Канаду, хотя бы в Монреаль. На байке туда можно доехать за час с небольшим, наслаждаясь видами, если погода позволит. Расстояние до Монреаля было вдвое ближе, чем до Олбани, но в Олбани ему довелось бывать трижды в этом году, а в Монреале — ни разу в жизни.

Впрочем, никакой ветер в лицо не мог оставить Морвейна, когда он возвращался обратно в академию. Сгоревшая рукопись все еще зудела кровавым надрезом на сердце, оставляя неприятную боль. Хотелось закричать, но крик не шел. Хотелось заплакать, но стоило открыть забрало шлема, и ветер покажет ему, что такое настоящий плач. Рука сама провернула ручку газа вперед, рычащий зверь под ним слегка дернулся и понесся еще быстрее. На мотоцикле нельзя было въехать на территорию академии, даже если ты там преподаешь. Служебный въезд предполагал только технические машины для обслуживания академии, для всех остальных за стенами была организована общая стоянка, как крытая, так и открытая. Крытая была платной и наполовину была занята персоналом, которому великодушно давали двадцать процентов скидки от администрации. Спасибо за щедрость, господин Молиньё, вы, как всегда, превзошли себя.

Упоминание имени директора академии «Гамильтон Холл» не было случайным. Оно играло важную роль в планах Морвейна. Сегодня он направлялся именно туда и даже не собирался переодеться. Внутри все жаждало этой встречи. Молиньё, несмотря на отсутствие всякой загруженности, принимал его только по предварительной записи. Это была их маленькая игра, означавшая: «Я не хочу вас видеть, профессор Морвейн, если вы заранее не предупредите меня о своем паскудном визите». Вслух ему такое не позволило бы сказать воспитание и этикет, все-таки старик Молиньё был старой закалки. Он причислял себя практически к аристократам, даже рассказывал байку, что какой-то его прапрадед был бароном до Французской революции, а потом лишился головы, как и многие роялисты. Однако его жена выжила и сбежала с детьми в Италию, а оттуда уже семейство перебралось в Штаты после окончания Граж-

данской войны. Было ли в этом хоть сколько-то правды? Отнюдь. Мог бы кто-то доказать ложь? Желания сидеть по архивам у самого Морвейна не наблюдалось, да и ни у кого другого тоже.

Этот его вид придавал ему большей уверенности и агрессии, словно то были не переговоры, а поединок и надо было подобрать правильный доспех. Классический пиджак или костюм тут не пошли бы. А вот байкерская куртка с металлом, обтягивающие тонкие кожаные штаны и высокие армейские ботинки с металлическими подбойками на носке и пятке — это создавало должный образ. Воинственный. Мрачный. Немного нелепый в готических интерьерах академии, и все же достаточно цельный, чтобы оказаться там. Время фраков и камзолов давно ушло, теперь эпоха неоготики, а чем его наряд не лучшая вариация на тему?

— Профессор Морвейн, директор еще не освободился.

— У меня назначено на полтретьего, а сейчас, если мои глаза мне не изменяют, — полтретьего.

— Да... Но... — Но Морвейн уже ее не слушал и прошел к кабинету, отворяя тяжелую дубовую дверь, чтобы войти внутрь. Само собой, Молиньё не был ничем занят. Он вращал в руках карандаш, делая какие-то записки на бумаге.

— Господин Морвейн, как всегда вовремя.

— *L'exactitude est la politesse des rois.* — Улыбка на лице директора оказалась кислой, но он отлично понимал, о чем идет речь. Они могли бы провести этот диалог на французском, если бы хотели, но это было избыточным.

— Вы хотели меня видеть, полагаю, не просто так.

— Очень правильно полагаете. — Морвейн заметил, что никакого стула перед столом не имелось. Его специально убрали, чтобы он не смог сесть. Маленькая игра, как шахматная партия. Ты будешь стоять, а я сидеть, потому что я здесь власть. Ну что же. Заявление было понятным. Однако если убираешь стулья из кабинета, то и кресла тоже стоит убирать. Морвейн с улыбкой отошел в сторону, даже не пытаясь смотреть на Молиньё, а потом схватил кресло за подлокотники и стал тянуть его по паркету за собой. Скрипящий звук заполнил комнату под восклицание директора, который даже хлопнул разок по столу, но Морвейн не останавливался, пока кресло не встало ровно напротив лица Люциуса, и не плюхнулся туда, закидывая одну ногу на подлокотник в намеренно небрежном жесте, разваливаясь в кресле.

— Похоже, что все стулья на реставрации перед учебным годом. Но я не привередливый, Люциус.

— Прошу прощения, что не подумал. Я не намеревался принимать гостей до начала учебного года.

— Ничего страшного, господин директор. — Он намеренно игрался с тем, что называл его то по имени, то титулом, то как ему вздумается.

— Но вы правы. Я пришел к вам не просто так. Как вы знаете, я уже третий год возглавляю попечительский совет академии и также состою в комитете по финансированию и дотациям.

— Конечно, мне это известно, господин Морвейн.

— Замечательно. Но полагаю, что вам еще не известно, что мы организовали новый фонд.

— Нет, последних новостей я еще не слышал. — У него были в совете свои шпионы, но Морвейн пригрозил всем, чтобы они не распускали слухи раньше времени, и у него была возможность спрятать информацию о последнем собрании от Молиньё, чтобы лично представить ему план.

— Тогда я расскажу. Мы решили, что почетные члены академии, когда выходят на пенсию, часто остаются незаслуженно забытыми.

— О да, это очень неприятная история для нас всех. Годы жизни потрачены на это место, а потом ты просто канул в Лету.

— Согласен, потому я решил создать фонд вашего имени, фонд Молиньё.

— Как учтиво с вашей стороны, надеюсь, что фонд будет следовать высшим стандартам. — Если бы только вы сами следовали им, а не разыгрывали роль, тогда все было бы куда лучше. Но Морвейн знал, что Молиньё слишком крепко держался за свое место и не выпустил бы его так просто, если бы только не умер в моменте в этом самом кресле. Но старик, несмотря на свои годы, похоже, пугал саму смерть, потому что она даже не делала никаких попыток его забрать. Ни одного сердечного приступа, какой-нибудь недостаточности, слабости, потери сознания, да хоть малейших проблем со здоровьем.

— Мы решили, что люди, уходящие на пенсию и сделавшие для академии достаточно, заслуживают пожизненного содержания. Совет согласился на сумму в сто тысяч для выдающихся деятелей, семьдесят пять для профессорского состава и пятьдесят для младших сотрудников, отработавших больше двадцати пяти лет.

— Очень хорошие цифры, надеюсь, вам удастся протащить это финансирование.

— Конечно, мы провели первый сбор средств и уже имеем в фонде семь миллионов долларов. Наши выпускники оказались очень щедрыми, и я тоже внес свой небольшой вклад.

— Вы как всегда щедры, господин Морвейн.

— Так что я надеюсь, что, когда вы решите уйти с поста на пенсию и выбрать себе домик у океана, у вас будет достаточно средств, чтобы наслаждаться этой жизнью.

— Похоже, что мне стоит над этим подумать. А то, знаете, холодный воздух Вермонта уже не так приятен и не так легко переносится.

— Согласен. О себе нужно заботиться. Годы идут, а вы и так слишком много сделали для академии.

— Не переживайте. Этот год я еще точно отработаю. Жизнь во мне бурлит, господин Морвейн. Но дальше. Я подумаю.

— Очень на это надеюсь. Все же вы можете стать первым, кого будет спонсировать наш фонд.

— Почту за честь, в случае чего. Благодарю.

— Позвольте откланяться, Люциус.

— Позволяю. — Морвейн поднялся из кресла, поклонился избыточно театрально, а потом пошел к выходу. Его план удался. Может, Молиньё и не любил его, но было заметно, как засверкали его глаза при сумме в сто тысяч долларов ежегодного содержания до конца жизни. Это звучит слишком заманчиво, чтобы старик продолжал свою работу. И если нужно потерпеть его еще год на посту, то это не так уж и страшно. А дальше появится кто-то получше и помоложе, может, даже сам Адриан займет его место, правда, придется покинуть попечительский совет, чтобы не создавать конфликт интересов.

— До новых встреч, Глория. — Он махнул рукой секретарше, которая кидала на него злобный взгляд. Она никогда не любила Морвейна за его выходки, оставаясь верной соратницей своего сюзерена. Так работала преданность в этом заведении. И это тоже немного раздражало, когда тебя не любят только потому, что вассал не может любить врагов того, кому давал клятву верности. Может, формально никакой клятвы не существовало, однако зависимость была налицо.

Морвейн шел по коридору, слегка задумавшись, утопая в собственных мыслях. Большое поражение с рукописью теперь было приятно приправлено маленькой победой в стенах директорского кабинета. И, может, цель еще не достигнута, но он приблизился к ней на такое расстояние, что почти мог коснуться вытянутой рукой. Поднимая голову, Морвейн осознал, что перед ним девушка, с которой они чуть не столкнулись. Для него было слишком поздно, а вот она успела вовремя увернуться, чтобы не упасть на пол от его напора.

— Осторожнее, юная леди. — Он окинул ее с головы до ног беглым взглядом. Сразу понятно, что это какая-то богачка из Бостона или Нью-Йорка, очередная избалованная студентка, приехавшая на север страны в своем тоненьком пальто и на каблуках. Удачно ей про-

гуляться на них по грязи и брусчатке, должно быть, захватывающее зрелище, жаль, ему не суждено увидеть ее выдающееся дефиле. Впрочем, в стенах академии самым неуместным был даже не столько ее наряд, сколько катящийся за ней чемодан красного цвета. С ним она была похожа на пародию на героиню Риз Уизерспун из фильма «Блондинка в законе». Выглядело столь же неуместно, как и ее розовый Барби-образ в зале суда. Морвейн лишь хмыкнул про себя и пошел дальше, не заостряя на этой девушке никакого внимания. Единственный плюс, который он мог отметить, — это ее ранний приезд. Обычно наглые и самовлюбленные детишки хотят отсрочить свое прибытие до максимума, а она, по ощущению, даже рвалась сюда. Ну ничего, будет время насладиться готикой восемнадцатого века, прежде чем эти стены оживут перед началом нового семестра.

ГЛАВА 1. ГАМИЛЬТОН ХОЛЛ.

Приезд Марианны Брукс в академию «Гамильтон Холл» казался слишком невзрачным. Погода встречала ее серой хмуростью, присущей скорее Лондону, нежели маленькому городку в Вермонте с ироничным названием Грейхейвен. Марианна даже улыбнулась, когда увидела этот выцветший серый приветственный знак на въезде с классической надписью «Добро пожаловать в Грейхейвен». Он и правда был слишком «серый», будто пытался соответствовать погоде. Буквы местами съела ржавчина, а угол щита держался на честном слове — как будто городок давно перестал быть уверен, что его вообще стоит обозначать. Впрочем, Грейхейвен был типичным небольшим городком в глубинке, ничего примечательного, на ее взгляд человека, привыкшего к шумным мегаполисам или аккуратным улочкам Гарварда.

Многие, как сама знала Марианна, приезжали в академию «Гамильтон Холл» именно ради получения степени магистра. Тут были и студенты-бакалавры, разумеется, но профессор Лодж всегда говорил ей, что «Гамильтон Холл» — это способ отойти от общих правил в пользу эффективности, познания себя и получения уникальных знаний, которые даются немногим. Это место даже в кругу Гарварда считалось некой обителью для избранных, хотя по своему масштабу было достаточно скромным, если смотреть на него со стороны.

Стекла такси запотевали, и водитель то и дело смахивал влажную пелену ребром ладони, словно пытался стереть сам Вермонт с лобового. Звук скрипящих по стеклу дворников начал раздражать. Подъездную дорожку к академии слегка размыло, так что такси буксовало несколько минут, прежде чем автомобиль справился и преодолел препятствие, раздавая комки грязи за собой, будто горячие пирожки в едва открывшейся утром пекарне. Колеса швыряли их в крылья с глухим, липким звуком, и Марианна впервые за поездку пожалела, что выбрала туфли, а не ботинки. Но среди приятных воспоминаний был тот самый запах, когда она успевала до первой лекции урвать себе что-то с кофе или чаем в Гарварде, наслаждаясь прогулкой по его мощным улочкам. «Гамильтон Холл» не выглядел местом, где можно было разгуляться.

Главный корпус, старинный, как называли его местные, выглядел самую малость удручающе готическим. Если бы ей не сказали, что тут находится элитная академия, то она вполне могла бы посчитать, что место заброшено. Внутренний дворик вел к небольшой часовне, что сразу бросалось в глаза. Религиозность в Гарварде не сильно жаловали, но тут она выставлялась чуть ли не напоказ. Первое, что видит каждый студент, оказываясь в мрачных холодных объятиях «Гамильтон Холл». На самом деле это здание некогда было апостольской школой святого Варфоломея, возведенной во второй половине восемнадцатого века. Тогда тут учились только мальчишки и только богословию или чему еще учат в таких приходских заведениях? Сама Марианна никогда не была сильна в истории: та выходила за сферу ее интересов и потребностей для дальнейшего обучения.

Она почерпнула информацию об этом месте с их скромного сайта, который выглядел так, словно был создан где-то в двухтысячных и с тех пор не обновлялся ни разу. Хотя там появлялись какие-то статьи, научные работы и информация для поступления, однако это не создавало ощущения жизни, скорее чувство скоростной кончины. Марианна уже и сама не знала, почему она решила отправиться именно в Вермонт? Это было не ее место, не ее мир, но, может, это и побудило ее двинуться в новом направлении? Изменить привычное. Чем не лучшее решение в жизни? Понятно, что с лучшим пока еще большое преувеличение, но все лучше, чем ничего не решать вовсе.

Старинные стены «Гамильтон Холл» уносились ввысь своими вычурными готическими окнами и мрачной архитектурой, навевающей какие-то вампирские настроения, словно если сейчас ее кто-то выйдет встречать, то он непременно должен быть наряжен во фрак и иметь

несколько белых клыков. От этого ощущения девушка слегка поежилась, хотя ей показалось, что виной тому был лишь ветер, слегка приласкавший ее под шерстяным пальто. Оделась она точно не по погоде, теплых вещей у Марианны был самый минимум, зима в Нью-Йорке не бывала такой прохладной, а снег, если и выпадал, то не долго задерживался на улицах, да и долгие прогулки пешком не были ее любимым делом. В Гарварде снег вызывал у нее только теплые эмоции, будто она ощущала себя ребенком и ей хотелось прикоснуться к нему поскорее, пока он не успел растаять.

Ее яркий красный чемодан казался неуместным в этих декорациях, как будто кто-то случайно пролил краску на черно-белую картину. Пожав плечами, она двинулась вперед в сторону здания администрации. У нее был буклет с картой академии, так что кое-как ориентироваться выходило. Табличка на входе указывала, что двигается Марианна в правильном направлении. Она прибыла на пару дней раньше, чем требовалось, чтобы просто изучить все заранее, познакомиться с городом, узнать место, где будет учиться, чтобы не прыгать в неизвестность сразу. И сейчас не до конца понимала, хорошим ли это было решением. Потому что казалось, что она тут совершенно одна и весь мир решил просто расслабиться, тогда как лишь Марианна пыталась сделать все максимально правильно и без ошибок.

У нее всегда была эта характерная черта, воспитанная еще с детства и частной школой в Нью-Йорке, где она училась. Она не могла делать что-то наполовину. Если молодой мисс Брукс что-то поручали или давали задачу, то она должна была выдать максимально возможный результат, показать себя лучшей, а если даже не быть лучшей, то хотя бы стараться ею стать. И у нее совсем не получалось иначе, ведь стоило только расслабиться, как внутри ее сознания появлялась предательская мысль о том, что ее накажут, что она слабачка и не справится, что все ее старания до этого могут потерять смысл из-за одной оплошности. Это заставляло ее собраться всякий раз. Она ощущала давление, будто кто-то сжимает ее плечи со спины, встряхивает и толкает вперед. «Действуй!». Она почти слышала этот голос за спиной. Кто это был? Отец? Мать? Профессор Лодж? Или она сама?

Стук ее туфель на небольшом каблучке отзывался под высокими сводами, отлетая от мраморной плитки. Теперь она понимала, почему это место называли «элитным»: внутри оно выглядело значительно лучше, чем снаружи, словно если фасад был просто готической картинкой пейзажей старой Англии, то вот внутри было настоящее королевское убранство, демонстрирующее во всей красе исключительность каждого студента, что ступает по этому идеальному шахматному полу. Черное. Белое. Она слегка перепрыгивала из стороны в сторону, будто играя в игру с самой собой. Это было даже забавно, если бы не большой чемодан, что вилял за ее действиями с такой неохотой, что того и гляди был готов вырваться из рук, как уставший от ласки кот, желающий сбежать.

— Осторожнее, юная леди. — Она так загляделась на стыки между плитками, что не заметила мужчину, в которого чуть не влетела плечом, уклонившись в последнее мгновение. От него пахло дождем, холодным табаком и чем-то металлическим — как будто он только что сходил в душ в одежде. Рослый незнакомец почти в театральном движении отпрянул в сторону, пропуская ее поклажу вперед, а потом вздернул голову, его длинные светлые волосы взметнулись следом и скрыли его лицо, будто за вуалью. Марианна смотрела на него с некоторым удивлением. Это тоже студент? Нет, для студента он был староват. Ему точно за тридцать, видно по лицу, что мужчина не молод, есть эти легкие отметины, выдающие возраст. Однако она не могла сказать, что он не был бы привлекательным. По-своему. Для кого-то. В нем было что-то такое... Темное? Мрачное? Готическое? Последнее слово пришло ей в голову не случайно, потому что она смотрела на высокое окно, уходящее в потолочный свод своими линиями. На фоне этой архитектуры любой выглядел бы готично. Но если он не студент, то кто? Преподаватели не носят кожаные куртки, будто вот-вот сядут на байк. И ладно куртка, на нем были такие штаны, что-то вроде женских леггинсов, прилипающих к его тощим ногам,

делающие их неестественными. А еще это нелепое обращение «юная леди». Кто вообще так говорит? Она что, в Викторианской Англии или, может, во времена Мейфлауэра с его первыми переселенцами?

Хихикнув, она двинулась дальше, пытаясь найти по табличкам нужный кабинет. Где-то здесь был офис администрации, где ей нужно было отметить, передать все документы, наверняка что-то подписать, получить распоряжение и ключи от комнаты в общежитии. На секунду Марианну озарила мысль: а может, это кто-то из городка поблизости? Но она быстро отвергла ее, потому что этот мужчина был одет слишком вызывающе, а глубинка Вермонта уж точно не место для таких, как он. Это и правда походило на какую-то нелепую загадку, и Марианна была рада, что ее не придется разгадывать. Иначе это сожрало бы ее целиком. Офис администрации показался из-за угла, а значит, она пришла.

* * *

Марианна отперла дверь своей комнаты в общежитии, которое оказалось в меру практичным и современным. По сравнению с готикой главного корпуса это место будто позволяло вернуться обратно в современный мир. Здесь не было какой-то показательной роскоши, комнаты не были слишком большими, но в них хватало пространства для двоих. Зоны были раздельными, кровати стояли в разных углах, а разделителем служили столы с высокой спинкой, чтобы, когда вы сидели за ними, не смотрели друг на друга. Это чем-то напоминало офисное пространство, как показалось самой Марианне. Рядом со столом стоял массивный шкаф, чьи двери открывались с обеих сторон, чтобы каждая из сожительниц комнаты могла пользоваться им с удобством. Эта деталь показалась Марианне впечатляющей, ведь это демонстрировало продуманный подход, и она точно могла сказать, что подобного рода мебель изготавливалась на заказ.

Девушку не тянуло распаковывать вещи сразу. Она поставила свой большой чемодан на колесиках у входа, слегка толкнув его в свою сторону комнаты, а потом с интересом пошла наблюдать за пространством, отведенным ее соседке. О ней было известно не так уж и много: Анжелика Готье, студентка второго курса бакалавриата, моложе Марианны на несколько лет. Ее специализация в академии ей показалась какой-то странной: «винтажный дизайн», но Брукс только хмыкнула на это, понимая, что, похоже, в «Гамильтон Холл» все будет не как везде. Даже в ее случае многие предметы казались ей чрезвычайно необычными. Будто если бы кто-то назвал их «Философия» или «История искусств», а может, и вовсе «Литература», то это было бы унижением для всех, кто их преподает. А потому список состоял из различного рода «Философии экзистенциального выбора», «Искусства изображать реальность» и прочих вычурных наименований, показывающих наигранную элитарность заведения. Это, безусловно, было исключительно мнением самой Марианны, потому что она привыкла к «особенному» в Гарварде, но там все это выделялось иначе. Никто не пытался с таким размахом и пафосом заявлять о собственной исключительности, они делали это тише, аккуратнее, а тут все стеснения падали, и на сцену выплескивалась волна заумных названий, призванных поразить и удивить тех, кто впервые оказывался в стенах академии.

Анжелика прожила год в этом месте, но ее часть комнаты не выглядела так, словно человек тут правда очень много жил. Может, часть вещей она увезла с собой, но все, что осталось, было крайне лаконичным. На столе было прибрано, никакого даже намека на хаос, лишь большой набор карандашей всех оттенков серого мог говорить о том, что ей приходится иметь дело с рисованием и созданием эскизов. Полка с книжками была заполнена различными артбуками и сборниками фотографий, книгами о модных домах вроде «Диор» и «Шанель», и среди них было лишь несколько книг, где текст преобладал бы над картинками. Она взяла первую попавшуюся книгу в кожаной дорогой обложке. На ней была лишь скромная надпись серебря-

ным тиснением: «Эра смятения». Ни автора. Ни пояснения. Марианна открыла книжку и тут же разочаровалась. Это был какой-то сборник поэзии. Она быстренько пролистала ее, чтобы окончательно в этом убедиться, а потом с легким пренебрежением вернула на полку. Поэзия ее никогда не интересовала, потому что, как бы хорошо кто-то ни слагал слова вместе, это не было практически полезным навыком в жизни, а ее жизнь всегда была нацелена на нечто реальное, а не эфемерное. Пальцы пробежались по обложке другой книги. Вот эта была классическим романом. Автор — Адриан Морвейн. Фамилия почему-то показалась ей даже знакомой, но она не придала этому большого значения. «Пекло» — так называлась книга в ее руках. Обложка была выполнена в теплых приглушенных коричнево-золотистых тонах с текстурой старого холста, изображая какую-то сцену между людьми... Сейчас Марианна уже могла бы догадываться, что эта книга точно была о любви. Любовный роман почему-то отлично вписывался в образ Анжелики Готье, который она уже составила в своей голове, оглядывая ее вещи. Марианна не осуждала ее, просто не разделяла всех этих интересов. В том не было ничего странного, ведь все люди разные, и это вовсе не значит, что она должна читать что-то похожее и наслаждаться теми же вещами.

В шкафу Марианна обнаружила пару платьев в чехлах и больше ничего. Решив, что ей пора перекусить, она отправилась в столовую, которая, если судить по карте академии, находилась в левом крыле главного здания. Конечно, было место и поближе: корпус философии — он располагался прямо по пути от общежитий студентов первых и вторых курсов к главному корпусу, практически преграждая путь. Вот только там буфет работал лишь в учебные дни, как гласила карта. Перед тем как выйти на улицу, Марианна все же решила сменить обувь, поменяв туфли на привычные кроссовки от «Найк». Усмехнувшись, она подметила про себя одну мысль: «Ей никогда не нравились белые кроссовки, а потому она купила себе черные с легкой фиолетовой полосой, и каким же совпадением было то, что главным цветом самой академии был именно фиолетовый, тогда как черный идеально вписывался в ее мрачную атмосферу». Волосы тоже были собраны в пучок, потому что сейчас они слишком метались во все стороны, так как Марианна была обладательницей пышной темной шевелюры почти красивого оттенка глубокой ночи, напоминающего нечто иссиня-черное в своей глубине. И если бы не вьющиеся волосы, то она точно собирала бы куда больше комплиментов, нарядившись должным образом, но из-за такой пышной прически всегда выглядела немного по-детски, даже если пыталась надеть строгую блузку и жакет.

Слегка бледное лицо смотрело на нее по ту сторону зеркала, словно по ту сторону озера. Ее глаза никогда не были ярко-голубого цвета, они всегда отдавали в какую-то серость, но на фоне ее волос и чаще всего темных вещей они, наоборот, давали некоторый оттенок глубины, будто наливались легкой едва заметной пленкой лазури, которую непросто было уловить, но, если кто-то подошел бы достаточно близко, как она сейчас к своему отражению, то мог бы заглядеться этим открытым взглядом. Иногда ей нравилось вот так смотреть на себя в зеркало, потому что это придавало какую-то внутреннюю уверенность, которую сама Марианна не всегда могла объяснить. Но это был тот самый маленький ритуал, к которому она прибегала, когда внутри чувствовалась дрожь, и не важно, от чего: от легкого страха, от ощущения нового окружения, от неопределенности или предвкушения. Все это будто отступало, и она, сделав несколько глубоких вдохов, оставляя маленький запотевший след на поверхности зеркала от столь близкого контакта, выходила в этот мир, оставляя всю неуверенность той девочке в отражении.

* * *

Общая столовая оказалась впечатляюще огромной. Высокие потолки создавали такое пространство, будто ты сидишь под звездным небом, потому что они были выкрашены в такой

темно-синий цвет, на котором не хватало лишь яркой россыпи серебряных звезд. Старинные столы и стулья выглядели очень органично под этими сводами. Ощущалось, что за мебелью ухаживали, потому что вся она была прекрасно лакирована, и не создавалось ощущения, словно кто-то поставил все это сюда сотню лет назад и с тех пор не прикасался к ней.

Марианна впервые ощутила себя одновременно такой маленькой и такой большой, но главное, не одинокой, потому как в столовой оказались и другие люди. Всего несколько студентов-четверокурсников, которые что-то болтали в своем тесном кружке за одним из столов. Пара работников академии или преподавателей, на первый взгляд она точно не могла отличить их. Еда была вкусной, что также являлось чем-то удивительным для такого места, в ней даже можно было заметить какой-то налет европейской кухни, преимущественно французской, возможно, как дань уважения первому директору академии, господину Анри Агьемару. Насколько знала Марианна, он был меценатом, который выкупил здание у округа на торгах и превратил его в то, что сейчас было известно как «Гамильтон Холл». Было много разных слухов относительно того, почему закрылась апостольская школа для мальчиков, но все они были противоречивыми, и никто не давал точного ответа. На сайте было написано, что были проблемы с финансированием и увяданием паствы. В интернете выдвигались версии со скандалами, которые возникали из-за избиений и излишней жестокости в обучении, а также расизма. Но это звучало уже как современное переосмысление, потому что вряд ли кто-то в восемнадцатом веке всерьез задумывался в Вермонте о правах чернокожего населения и коренных американцев. Где-то в комментариях можно было прочесть версию про то, что тут был настоящий рассадник содомии и церковь прикрыла подобное начинание. Но ни одна из этих историй никак не была подтверждена хоть кем-то, просто версии, которые нужно было принять на веру.

Закончив с основным блюдом и разглядыванием обстановки, словно она попала в музей, Марианна уже вяло ковыряла ложкой какой-то вишневым пудинг, думая, хочет ли его доедать или все же с нее сегодня хватит, когда в зал вошел он. Высокий мужчина в классических светлых брюках, в кардигане с шалевым воротником глубокого коричневого оттенка, будто жженый кофе. Его длинные волосы доходили до плеч и смотрелись малость растрепанными, будто скошенные на земле колоски пшеницы или солома. На носу были такие тонкие очки с полукруглыми стеклышками, что казались почти ненастоящими. Разве кто-то вообще может что-то увидеть через эту декоративную игрушку на носу? Но именно они придавали этому человеку какую-то особенную непонятную нотку аристократичности... Наверное, она могла бы охарактеризовать ее как-то так, потому что иного слова просто не получалось подобрать.

И каково было ее удивление, когда этот мужчина прошел достаточно рядом, думая о чем-то своем, и она узнала его. Это тот самый «байкер» из холла сегодня утром. Это был он! Марианна чуть не захохотала, лишь в последний момент успев прикрыть рот руками, отчего смешок все же успел сорваться, однако был подавлен в самом зародыше и больше походил на кашель. Все происходящее казалось настолько абсурдным, что не укладывалось в голове. Как этот утонченный образ мог быть тем рокером? Как в нем сочеталось несочетаемое? Как будто где-то в этом месте жили два брата-близнеца, но с совершенно разными стилями и подходами к жизни. Марианна поймала себя на том, что она улыбается от этой мысли. И все же она продолжала следить за этим странным человеком.

Он прошел к отдаленному столу, а потом поставил на него свою большую сумку, которая открывалась, как старинный кошелек на двух железных защелках сверху, чем-то напоминая собой торбу, но более винтажную и из замши. Ее лицо округлилось в немом удивлении, когда из этой сумки он достал старомодную печатную машинку, какую можно было увидеть в кино или музее, но она казалась самой что ни на есть настоящей и вполне новой. Это настолько впечатлило Марианну, что она даже не могла понять, что же притягивало ее сильнее: безумное несоответствие образа или эта напускная старомодность, словно способная сделать человека

исключительным. При этом никто другой как будто не обращал на него внимания, как если бы перед ней был какой-то призрак, которого видит исключительно она.

Марианна быстро глянула по сторонам: студенты-четверокурсники все так же болтали, парочка других студентов молча ели, кто-то отошел от раздачи с едой и уселся за столик, даже не замечая этого незнакомца. Не сходит ли она с ума? Может, его и правда нет, а она выдумала его от собственной скуки? Но нет, пара человек из преподавательского состава или администрации поднялись и, когда прошли около него, поздоровались, что-то сказав, их слов девушка не расслышала, но до нее точно донеслось «профессор». Так значит, он был не вымышленным, а самым что ни на есть настоящим, еще и профессором. Интересно, чего? Судя по машинке, ему бы подошла претенциозная литература или что-то в таком духе. Наверное, он ведет курс «Как при отсутствии таланта создать полную видимость собственной исключительности» — ему бы очень подошло, пошутила про себя Марианна.

Теперь на столе появилась еще пара предметов: бутылка вина и бокал, в который он налил это вино, предварительно открыв его каким-то хитроумным штопором, который она видела впервые, не привычным электрическим или ручным, который надо вкручивать, а чем-то как будто пневматическим. Она не могла сказать точнее, потому что все было слишком далеко от нее и достаточно быстро. Незвестный профессор слегка откинул волосы с лица типичным жестом, как делала она сама, когда не собирала их должным образом, а потом вставил лист бумаги в каретку. Звуки клавиш начали эхом раздаваться по залу, где царил почти гробовая тишина. Все общались, но делали это тихо, без криков или громких звуков, будто голоса растворялись в этих огромных стенах или кто-то боялся, чтобы его не подслушали, и глушил собственное звучание. Но эти печатные звуки были настолько отчетливыми и громкими, что Марианна ощущала, словно кто-то стучит ей по темечку маленьким молоточком всякий раз, когда профессор нажимал на клавиши. А он будто намеренно делал это не быстро, как она умела печатать на вполне типичной клавиатуре своего ноутбука, намеренно растягивая каждый жест. В этом читалось своеобразное удовольствие от процесса, а не от результата. Послушав это шоу несколько минут, Марианна поняла, что, если пробудет тут дольше, то у нее заболит голова, отчего она приняла решение удалиться прочь и поспать после дороги, завтра уже принимаясь за собственные вещи, которые нужно было разложить.

* * *

Следующие три дня в академии пролетели для Марианны как одно мгновение. Она успела обжить собственную комнату, прогуляться по всей территории, от въездных ворот на самом юге до старой колокольни на северо-западе, делая большой крюк на восток в сторону озера, вдоль которого располагались коттеджные домики для старших курсов, и потом по длинной кленовой аллее возвращаясь к главному корпусу. Территория оказалась не маленькой, но и не сказать, что слишком большой. Построек тут было немного, сама академия по сравнению с Гарвардом выглядела миниатюрной. Общее количество студентов тут никогда не превышало трех сотен, зачастую даже меньше. На юрфаке в ее родной альма-матер обучалось около двух тысяч человек, а ведь одним юрфаком там никто не ограничивался.

В один из дней Марианна съездила на такси в Грейхейвен и удивилась тому, насколько хорошим был местный книжный магазин. Конечно, это обуславливалось тем, что он был достаточно специфическим, ведь работал не столько на горожан, сколько на богатеньких детишек элитной академии, что наверняка делали огромную выручку каждый сентябрь и январь, когда закупались книгами на весь семестр. Везти с собой целую библиотеку книг было бы ужасно непрактично, да и банально тяжело, так что она надеялась, что сможет купить некий минимум прямо на месте в Вермонте, и ставка сыграла. Всегда была возможность заказать онлайн на Амазоне, но ей просто нравился сам ритуал покупки, когда ты приходишь в книжный мага-

зин, можешь прикоснуться к изданию, подержать его в руках, полистать страницы, подышать ими и только потом купить. В этом была какая-то особенная магия, что притягивала ее. Нечто необъяснимое. И это при всем при том, что в доме родителей у нее почти не было книг. Они никогда не испытывали к ним большой любви, и если у отца в кабинете и можно было найти печатные издания, то все они были сугубо прагматичными: книги о законах, о различного рода судебных прецедентах, об интересных делах или со стенограммами важных процессов.

Ее полка в комнате тоже не отличалась большой фантазией. Как человек, поступивший на философский факультет, Марианна выбрала для себя некоторый набор философов, которые были ей наиболее близки: Макиавелли, Фуко, Бэкон — стандартный джентльменский набор для того, кто хочет казаться чуточку умнее, чем есть. Кант и Гегель для солидности. Марианна и сама не была до конца уверена, что осилит их без кофеина и суицидальных настроений. Также рядом с ними стояла пара книжек Кейнса об экономике, «Беседы у камина» Франклина Рузвельта, «Код да Винчи» Дэна Брауна и «Новые темные века» Джеймса Брайдла. Это был не самый лучший сборник книг, но ровно то, что нашлось в магазинчике в Грейхейвене. Она бы смело добавила еще парочку к общему списку и даже заказала отдельно «Общество потребления» Бодрийяра, считая эту книгу не менее важной в понимании текущей реальности. Выстроив свою полку, Марианна даже поймала себя на мысли, что та выглядит так, будто здесь поселился угрюмый профессор лет пятидесяти, а не молодая женщина.

Еще одним удивлением стало то, что в Грейхейвене был приличный магазин одежды, причем он намеренно предлагал студентам академии скидку в 10%, и там она присмотрела себе отличное теплое зимнее пальто, в котором теперь прогуливалась по дорожкам «Гамильтон Холл», ощущая себя уютно в длительных прогулках. Цены там были не дешевыми, но и качество было соответствующим, не дорогой бутик, а нечто хорошее и практичное за умеренную цену. Исключительно натуральные ткани, базовые цвета, ничего вычурного, но со своим стилем, слегка мрачноватым, лично на ее вкус, но, когда выбирать не приходится, нужно брать что дают. Благо деньги у Марианны имелись, и родители отправили ей на первичные нужды пять тысяч долларов, большую часть из которых она спустила в эти пару дней, закупая все необходимое.

За время пребывания в академии Марианна уже успела забыть о том, что жила не одна, так что по возвращении домой с очередной прогулки по местности, которая с каждым разом казалась все более живописной, не похожей на то, что она привыкла видеть, ее ждал новый сюрприз. Оказалось, что Анжелика приехала и теперь устроила ей ловушку, поджидая почти за дверью. Стоило ей только войти внутрь, как та выпрыгнула у нее из-за спины с типичным «бу», отчего Марианна вздрогнула и непроизвольно рванулась в сторону, ощущая легкий страх и лишь потом понимая, что это всего лишь ее соседка.

— Так вот ты какая, Марианна Брукс, — ее голосок был слишком мелодичным, такой обычно хочется слушать в каких-нибудь инди-песнях о любви или разлуке. Впрочем, внешний образ Анжелики сильно отличался от того, что успела напридумывать себе Марианна. Ей почему-то та виделась какой-нибудь стройной длинноногой блондинкой с некоторой загадочностью и круглыми глазами с длинными ресницами. А на деле перед ней стояла девочка совсем небольшого роста с прямыми волосами цвета спелой вишни, наверняка крашеными, потому как таких не может существовать в природе. Одна прядь была намеренно контрастной в каком-то фиалковом оттенке, будто говорила о тонкой принадлежности к академии, добавляя ее цветов в свой образ. На ней была надета футболка с кровавой версией Барби, которая была вся в блестках и держала в руках нож, а также самые обычные джинсы темно-синего цвета с высокой талией, что добавляли ей визуально немного роста. Личико ее было почти кукольным, а губы маленькими и аккуратными, подведенными какой-то матовой темной помадой под цвет волос, но не броской, а пытающейся подчеркнуть естественный оттенок.

— Анжелика, приятно познакомиться. — Не сказать, что ей на самом деле было приятно, но она протянула руку из вежливости, делая шаг навстречу и оставляя без лишних комментариев это внезапное появление из-за спины, которое заставило Марианну почувствовать себя не в своей тарелке.

— Ты правда читаешь все эти скучные книжки? — Она показательно выставила палец, который указывал в сторону книжной полки на стороне комнаты Брукс. И, если честно, девушка даже не сразу нашлась с ответом, настолько выбивающим из привычного состояния был этот вопрос, сказанный не с осуждением, а с каким-то непонятным живым интересом, отчего Марианна даже не понимала, впечатлилась ли ее соседка или просто обалдела.

— Я учусь в магистратуре на философии, так что да, я все это читаю. — Нужно было выдержать максимально уверенный тон, но при этом не делать его надменным, словно она какая-то особенная. Таковой Марианна себя никогда не считала, однако это не значило, что она не старалась быть лучшей. А иногда людям тяжело отделить одно понятие от другого, и она не винила их за это.

— О, совсем забыла, что ты будущий магистр... — Внешне и правда можно было спутать, ей легко давали и восемнадцать, и двадцать, хотя она уже была старше, но не сильно. И все же она получила степень бакалавра в Гарварде, а только потом поехала в «Гамильтон Холл». Здесь она надеялась изучить что-то более углубленно, что будет полезно ей в дальнейшем в профессии, все же философия — это образ мышления, и никто не может отказаться от способа мыслить правильно и живо.

— А ты у нас занимаешься дизайном? — Она не стала употреблять это вычурное название, решив немного сгладить наименование ее курса, чтобы в ее голосе не ощущалось какой-то произвольной насмешки от желания все усложнить в стенах этого заведения.

— О да, я хочу открыть свой модный дом, когда выучусь. Ну или хотя бы попробовать стать дизайнером одежды для красных дорожек. Знаешь, в стиле Met Gala. — Марианна только вскинула бровь, но, если честно, это вполне вписывалось в ее образ, пусть и казалось каким-то наивным, что ли...

— Понятия не имею, что это... — вполне честно ответила она на ее слова, потому что модой никогда не увлекалась, ее одежда была просто одеждой, неким легким и понятным академическим стилем без вычурности и пафоса, без бросающихся в глаза футболок с блестками или крашенных волос.

— Ты же из Нью-Йорка, так ведь? Как ты можешь не знать, что это? Вечеринка костюмов, Метрополитен-музей... Ну же, подружка... — Нет, Марианна знала о том, что в Нью-Йорке был Метрополитен-музей, но никогда там не бывала и даже такого желания у нее не возникало. В ее среде вообще было не так много творческих личностей, потому что юристы обычно люди закона и правил, там редко встречается место творчеству, разве что в написании речи, но и то это больше какой-то театрално-киношный прием, в реальном мире хороший юрист вообще никогда не выступает в суде, потому что решает все вопросы в досудебном порядке. Именно за это им и платят крайне хорошие гонорары. Ее отец за всю свою практику провел в суде меньше двенадцати недель в сумме, а его стаж выходил за несколько десятилетий. И он гордился этим пуще остальных.

— Я лучше выберу Линкольн-центр или Коха... — С полным спокойствием в голосе произнесла Брукс для своей соседки. Может, они обе и жили в Нью-Йорке, но это был точно разный Нью-Йорк, и в этом даже была своя прелесть.

— Тогда даже не буду заикаться о Гуггенхайме... — Улыбка Марианны была очень показательной, словно она говорила ей: «Все правильно, даже не стоит вспоминать об этом».

— Ты не проголодалась? Не хочешь перекусить? — Стоило перевести разговор к чему-то общему, а не акцентировать внимание на их отличиях. Им предстоит целый год жить вместе, так что лучше найти точки соприкосновения, не пытаясь сосредоточиться на различиях. Они

всегда будут, и это нормально, особенно в таком месте, где полным-полно творческих людей, насколько уже могла судить девушка.

— О, еще как! Если бы сегодня был День Благодарения, то я бы запросто съела половину всей индейки. От целой, боюсь, что лопнула бы, но половинку... Ох, это было бы волшебное. — Они улыбнулись друг другу в ответ, а потом Анжелика схватила свой бомбер с нашивками академии, и они вместе вышли прочь из комнаты.

* * *

До начала учебного года оставался всего один день, так что Марианна решила провести его слегка в ленивом состоянии. Анжелика где-то отсутствовала почти все время. Ее не было с самого утра, точнее с обеда, в который девушка все же позволила себе открыть глаза, дабы убедиться, что в комнате так тихо, потому что она в гордом и приятном одиночестве. Не то чтобы Готье ей как-то мешала, но с той никогда не было тихо, она все время была в движении, как маленькая заведенная юла, которая отказывалась останавливаться, не подчиняясь законам физики, и раскручивалась все сильнее и сильнее, будто вечный двигатель.

В «Гамильтон Холл» тишина казалась какой-то необычно притягательной. В ней была приятная мрачность леса, запах листьев, аромат мокрой земли и чего-то неестественного, что у Марианны не получалось выразить словами, отчего внутри ее ощущений просачивалось нечто волшебное, присущее только этому месту и никакому другому. Наверное, в этом было что-то мрачно-романтическое, если бы ей такое нравилось, но Брукс никогда не тяготела к романтике, так что относилась к тишине как к просто приятной составляющей своей жизни, которой была лишена раньше.

Сегодня она могла позволить себе прочитать первые несколько глав «Кода да Винчи», хотя уже читала его не единожды, но Марианну всегда захватывала именно эта книга, будто в ней было идеальное сочетание теологии, тайн, сюжетных поворотов, искусства и тайных обществ. Разумеется, она не была наивной, чтобы считать такую литературу особенной и выдающейся, однако не могла отказать себе в таком удовольствии, когда можно было расслабить мозг и погрузиться в нечто захватывающее. Другие романы Дэна Брауна ей нравились в меньшей степени, пусть она и читала их все, но именно «Код да Винчи» хотелось перечитывать стабильно раз в год, освежая в памяти. Она могла бы сказать, что ее всегда привлекали такие тихие интеллектуалы вроде профессора Ленгдона, однако странным образом в Гарварде ее парнем был спортсмен, еще один спортсмен и красавчик, будущий юрист. Последний, которого звали Марк, написал ей трижды за несколько дней, но она старательно его игнорировала. Надо уметь отпускать, Марк — примерно так она говорила себе всякий раз. У них не было никакой любви до гроба, они вообще не признавались друг другу в чувствах, просто проводили время вместе и все. Разве это к чему-то обязывает? И у него что, нет своей жизни? Чего он так к ней прицепился...

Закончив читать, Марианна лениво потянулась, сменяя свой легкий домашний облик в виде пижамных штанов и одноцветной бежевой футболки на что-то более подходящее для выхода в люди. Она быстро настрочила сообщение с вопросом «где ты» и отправила его Анжелике. Не то чтобы они уже стали лучшими подружками, но та оказалась вполне интересной и как минимум не отталкивала, а искренне притягивала, пусть и была при этом странной. Анжелика имела манеру быстро отвечать и делала это не одним сообщением, как предпочитала сама Брукс, а настоящим каскадом. «Привет». «В главном». «Столовая». «Наш столик». «Ням-ням». «Придешь?». «Жду». И это все было только на один ее вопрос... Но подобное становилось даже привычным. Писать больше смысла не было. Хорошо, что Анжелика не скинула геолокацию и не нарисовала ей карту от руки, как пройти. Уже за это можно было быть благодарной.

— Ты уже пробовала записаться к профессору Морвейну на курс? — Это были первые слова ее соседки, когда Марианна только упала на широкую скамейку напротив. Она посмотрела на три пустых тарелки, которые стояли перед Готье, с нескрываемым удивлением. На ее фоне могло сложиться впечатление, что у Марианны было расстройство пищевого поведения, потому что она, взяв всего одну порцию салатика и чашку кофе, уже была готова наесться до отвала, тогда как Анжелика могла поглощать еду в непропорциональном ее росту и размеру количестве, словно где-то там у нее был второй желудок.

— Если мне захочется, то я обязательно запишусь. А что он преподает? У меня нет его курсов в расписании... — На самом деле она вообще впервые слышала об этом профессоре, никто прежде не обмолвился о нем при ней. Может, это было что-то важное для факультета дизайна или искусств, а не для философии? Она ведь даже не спросила у Анжелики.

— Нет, ты не понимаешь... К нему нельзя так просто записаться. — Марианна посмотрела на соседку задирая бровь, так что та едва ли не начала дергаться. Лишь в последний момент она поняла, что уже готовится закатывать глаза, и просто моргнула, чтобы сделать вид, что все так и должно было быть. Она не хотела показаться какой-то надменной, но из уст Готье это звучало как-то слишком претенциозно.

— Он преподает сразу несколько курсов: что-то для философии, не помню точное название, потом есть для искусства — «Творчество, как призма реальности» — туда записана я, правда удалось только со второй попытки, а еще в этом семестре я пойду на «Что делает творца творцом или как рождается текст?». — И почему Марианна была не удивлена этим ужасно вычурным названием, которые буквально кричали всем: «о боже, посмотрите, какой я гений». Не факт, что профессор был каким-то гением, потому что зачем гению преподавать в университете, даже если это такая академия вроде «Гамильтон Холл»? Гении творят, а не учат детишек тому, как творить. Этим обычно занимаются, как говорил ее отец, «сбитые летчики». А такие едва ли могут научить тебя чему-то полезному, потому что уже потеряли связь с собственным контекстом.

— Со второй попытки? Это как? — Но ее удивляло не столько название курсов, сколько тот факт, что на них нужно было попадать каким-то особенным образом.

— Ну да. Профессор Морвейн на особом счету в академии. Ходят слухи, что он глава попечительского совета или крупный спонсор, в общем, я не знаю точно, но, по-моему, он крепко держит всех за яйца. А потому у него есть свои особенные курсы для «избранных». — На этих словах Марианна уже не могла сдержать собственного фырканья. Но Готье, кажется, даже этого не заметила, потому что была настолько одухотворена, словно открывала ей какой-то секрет мироздания, а не рассказывала об академических курсах.

— Он лично проводит собеседования с каждым, кто желает попасть на его курс. И потом отбирает лучших. Я не знаю, по каким критериям, уволь. Но я попала только через семестр, со второй попытки. На мне было платье собственного производства, и он посчитал это очень милым, сделал мне несколько комплиментов, а я так поплыла, что чуть не расплакалась прямо там. Знаешь... Он как будто мне в душу заглянул, и это меня так растрогало... — Наверное, ее и правда было несложно растрогать, потому что Марианна уже даже за их небольшой период знакомства видела Анжелику в слезах дважды. Один раз, когда она послушала какую-то грустную песню и потом измазала свою подушку растекшейся тушью, а второй, когда Марианна сделала ей маленький подарок в виде розово-черного винтажного блокнота с такими старомодными состаренными листами. Тогда Анжелика бросилась ей на шею со слезами и сказала, что они будут лучшими подругами. Так что ее слова надо было делить на четыре, чтобы понимать реальное положение вещей.

— Боюсь, что твой профессор мне не сильно интересен. Я пришла сюда, чтобы заниматься философией, а его курса нет в моей программе. — Это был вежливый способ отказа и только, но Готье будто не готова была принять его.

— Так потому его и нет, что он особенный! Понимаешь? Люди приезжают сюда только ради него. Не все, разумеется, но такие точно есть! Я читала его книги еще в школе, и боже, как я хотела увидеть его. Мы, кстати, как-то виделись в книжном в Бруклине. У него там была презентация романа — «Пекло». — Название резануло память Марианны. Пришлось чуть-чуть поднапрячься, чтобы вспомнить: на книжной полке Анжелики и правда была книга некоего Адриана Морвейна, та самая, о которой она сейчас говорила. Так значит, этот автор и есть профессор. Вот оно что. Интересный поворот. Но все равно недостаточно интересный, чтобы она как-то поменяла свое мнение.

— Это та книжка, что у тебя? — Вопрос был скорее осторожным, прощупывающим, чтобы не ошибиться с выводами.

— Да, та самая! Я купила ее именно там, в Бруклине. Он лично подписал ее мне и сказал, что мне не хватает легкого акцента в образе, и тогда я сделала — это! — Она взяла свою фиалковую прядку и накрутила на палец, как бы демонстрируя. И это вызывало у Марианны скорее отторжение. Слушать, как мужчина говорит тебе, что в тебе чего-то не хватает, — это как-то выходило за границы разумного. Ее бы такое даже оскорбило, и она точно не постеснялась бы высказать ему все, что о нем думает. Однако, если ты слепая от чужого гения фанатка, то тут уже ничего не попишешь: тобой можно крутить и вертеть как угодно, не считаясь с твоими границами, ведь ты сама бросаешь всю свою гордость к ногам кумира.

— Профессор! — Анжелика почти подпрыгнула на скамье, а Марианна совершенно не заметила, как этот странный мужчина с длинными волосами, что спускались ниже плеч, оказался прямо позади нее. Сегодня на нем был куда более сдержанный наряд, включающий в себя темные, почти черные джинсы и водолазку цвета запекшейся крови, очки у него были широкие и квадратные, придающие образу большей интеллигентности. И если бы не эти светлые волосы, то все это смотрелось бы очень даже цельно.

— Рад вас видеть, мадемуазель Готье, очень жду вашей вступительной работы по курсу литературы. — Он сделал почти неприличный жест, беря ее руку и целуя. Почему почти? Потому что губами он ее не коснулся, лишь изобразил поцелуй, но выглядело это самую малость странно и дико, словно они были какой-то парочкой из викторианской эпохи, где подобная манерность была частью этикета, а не способом заигрывания. При этом лицо Анжелики просто сияло, она даже не отдавала себе отчета о том, что происходящее тут ненормально.

— Не представите мне вашу подружку? — Его голос отдавал легкими нотками баритона, но на самой грани, не глубокий, а как будто стремящийся к тенору. Было в нем что-то мелодичное или даже драматичное, Марианна не могла определить на слух.

— О, конечно... — Но в этот самый момент девушка ухватила руку соседки и положила ее на стол.

— Нет, не представит. Если я захочу представиться, то непременно сделаю это сама, профессор. Но сейчас — я не хочу. Надеюсь, вы сможете меня извинить. — Эти слова она отчеканила так, словно готовилась перед зеркалом по меньшей мере полчаса. У нее всегда не лучшим образом получалось расставаться с парнями, но сейчас Марианна буквально чувствовала какой-то внутренний подъем, что делает это. Если бы этот профессор был ее парнем, то сегодня она с удовольствием разбила бы ему сердце, даже не моргнув глазом. Пускай он может вертеть этой маленькой девятнадцатилетней девочкой как куклой в театре, но она не войдет в его труппу марионеток. Она уже выросла из того возраста, чтобы бегать фанаткой с горящими глазами за роковыми красавчиками, раздающими автографы.

— Как вам будет угодно, юная леди. В таком случае извольте. — Он театрально поклонился, даже слишком низко, сгибаясь почти пополам, едва не ударяясь о стол головой. Потом на его лице появилась легкая улыбка, и профессор развернулся и пошел прочь, словно этого разговора и не было между ними. Марианна еще все не отводила от него взгляда, скорее изучая. Он заговорил с кем-то еще, и их глаза тоже сияли прямо как у Анжелики. Впрочем, что

касалось Анжелики, то она сидела прямо напротив нее и обиженно дулась, будто ей дали подзатыльник за какую-то ребяческую шалость. Но Марианна не пыталась как-то это сгладить. Она умеет отстаивать свои личные границы и точно не стесняется это делать ни с девушками, ни с парнями, ни даже с заносчивыми профессорами. Это ее право, и никто не может ей в этом отказать.

* * *

— Первая неделя всегда такая воодушевляющая... — Анжелика лежала, раскинувшись на своей постели. Марианна не видела ее, но ей и не было нужно, она и так могла это понять по тому, как та потягивалась и слегка стонала, потому что неделя и правда закончилась. Но с комментарием своей соседки она бы в корне не согласилась. Неделя выдалась непростой, и это даже после Гарварда, где в принципе было непросто учиться. И все же «Гамильтон Холл» как будто давал какой-то иной уровень сложности. И она даже не могла бы описать, в чем именно это заключалось, но было в этих лекциях что-то изматывающее. На нее свалилось такое количество заданий, такое количество рассуждений и философии, словно кто-то отправил ее в библиотеку и попросил прочитать до завтра весь раздел по философии. Ей казалось, что должна быть некоторая разминка, попытка введения или стратегия от простого к сложному, но это было не так. Скорее непривычно, потому и приходилось подстраиваться под свой ритм.

— Ага... — Только и смогла выдать Марианна в ответ, думая, как ляжет спать прямо сейчас и проспит до завтрашнего утра, а ведь еще не было даже восьми вечера, но в сон тянуло просто с непреодолимой силой, будто кто-то нашептывал на ухо пьянящие звуки колыбельной, от которых так и хотелось закрыть глаза и забыться.

— Ты уже решила, что наденешь на «Торжественный ужин Основателей»? — Марианна устало вздохнула, потому что на самом деле думала вообще не ходить на это мероприятие, вряд ли бы кто-то заметил ее отсутствие, но теперь отказаться бы точно не получилось. Но так и быть, перекусить хотелось, а на ужине наверняка будет еда, так что не все так плохо. Но вот наряжаться...

— Я думала надеть просто блузку и что-то чуть более официальное сверху. — Спокойно, с усталостью в голосе, ответила девушка, даже не особо раздумывая, потому что она редко наряжалась по каким-то поводам, а даже когда это делала, то не уделяла тому большого внимания. Ее редко волновало желание выглядеть лучше всех, достаточно просто выглядеть неплохо и все. Притягивать к себе лишнее внимание — этого у Брукс точно не было в планах, да и ей не сильно нравилось быть центром любой компании. Впрочем, если все нарядятся, то вряд ли ее кто-то заметит...

— Это одно из самых важных общих собраний во всем году! Ты что! Нельзя приходить туда так, словно это обычный вторник! — Марианна почти чувствовала, как ее соседка подпрыгнула с кровати и готова была ринуться к ней, чтобы доказать свою правоту.

— Ну это может и не обычный вторник, но вполне обычная пятница. — Пожать плечами не сильно получилось, потому что она лежала в постели, но попытка была ей засчитана.

— Ты просто обязана надеть платье! — Вот теперь Анжелика уже на самом деле подскочила к шкафу и буквально высунулась с его края, свешивая голову и искривляя бровь в вопрошительном жесте. Иногда она казалась практически ребенком, который каким-то образом оказался в месте для взрослых, потому что вела она себя точно не как взрослая. Не всегда, но местами. И Марианну это даже чуточку раздражало, потому что невозможно было злиться на эту детскую наивность и легкость, которая была присуща Готье, скорее это делало ее чрезвычайно милой. Нельзя же обижаться на маленького котенка, который только делает свои первые шаги? Так ведь?

— Боже, ты умеешь быть чертовски убедительной. — Конечно, она ее никак не убила, но это был самый дипломатичный способ сказать: «Отстань от меня, я все сделаю, как ты хочешь», иначе их разговор растянулся бы еще на пару часов. До ужина оставалось предостаточно времени, потому как он проходил сегодня позднее обычного, отложенный ради торжественного мероприятия на пару часов.

Получив утвердительный ответ, Анжелика пискнула, а потом начинала собираться, краситься и заниматься кучей дел, которым сама Брукс придавала куда меньше значения. Это не значит, что она избегала макияжа и у нее не было нужных принадлежностей, просто это не был ее фетиш. Она старалась выглядеть просто и естественно, минимизируя свои затраты на создание облика. Для более важных мероприятий она могла чуть больше подчеркнуть свои глаза, добавить блеска губам или румянца щекам — и этого, по ее мнению, вполне хватало. Ей ведь нужно было просто выглядеть хорошо, а не соблазнить всех парней этой академии, что, впрочем, все равно не получилось бы, даже если бы она старалась выше собственных сил и возможностей.

Сборы вышли недолгими, а выбирать платье и вовсе не пришлось. У нее с собой было их только два: коктейльное и короткое, в котором хорошо заявиться на студенческую вечеринку в образе легкой распушенности и сексуальной притягательности (если, конечно, хватит смелости), и более приличное, элегантное, которое Марианна надевала лишь пару раз за все время и думала продать еще после выпускного в Гарварде, но решила оставить на всякий случай. Это было струящееся алое платье из гладкого атласа с глубоким V-образным вырезом и открытой линией плеч. Высокий разрез по бедру добавлял образу смелости, а золотая декоративная брошь на талии придавала наряду чуть утонченный акцент. Лаконичность силуэта в сочетании с насыщенным красным оттенком делала платье одновременно страстным и элегантным, подчеркивая ее уверенность без лишних слов. Волосы она решила собрать в простую прическу, чтобы не сильно заморочиться. Туфли она собрала в переноску, потому что не было ни единой вселенной, где она дошла бы прямо в них по старой брусчатке до главного корпуса без происшествий. Завершающим штрихом стали серьги и браслет: они были из общего комплекта, отец подарил их ей на выпускной, и она даже не помнила, зачем вообще взяла эти украшения с собой, возможно, случайно бросила их в чемодан. Но сейчас они оказались очень кстати и прекрасно дополняли образ, подчеркивая его невычурную эстетику. И если бы Брукс могла выбирать, то она бы никогда не надела это платье на такой ужин, потому что оно было очень праздничным и ярким, но за неимением выбора пришлось переступить через себя.

Большая столовая встречала ее гулом и шумом за десятки метров. Туда набилось столько студентов, что казалось, что не найдется и свободного места на скамьях, чтобы уместиться, но, как ни странно, место было. Первые пару минут Марианна пыталась отыскать глазами Анжелику, которая сбежала на двадцать минут раньше, что-то пробормотав, но это проскользнуло мимо ушей. Готье куда-то подевалась, но она точно должна была быть тут. Пришлось достать из своей небольшой сумочки-клатча телефон и написать ей: «Я в зале, не вижу тебя». Обычно Анжелика всегда отвечала на пулеметной скорости, почти моментально, словно телефон был частью ее руки, но сейчас прошло уже несколько минут, и никакого ответа не было. Решив, что просто стоять не лучший вариант, Марианна нашла себе место, усевшись с кое-кем из новых знакомых с ее магистерского курса.

Это были двое парней: Фред, который казался ей слишком похожим на карикатурного Гарри Поттера в своих круглых очках, единственное, что нарушало его косплей, — это слишком рыжие волосы, будто он был внебрачным сыном четы Уизли, и Аксель — строгий, вдумчивый и достаточно интересный. Внешне он был не сказать, что привлекательным, но был высоким и со скулами, будто высеченными в камне. Он скорее походил на статую, чем на человека, но Марианне он нравился, потому как говорил редко и по делу, давая очень хорошие комментарии на лекциях во время различного рода обсуждений. Также тут сидела и еще одна

девушка с ее курса, которая постоянно крутилась рядом с Фредом, но не была ему ни сестрой, ни подружкой, — Карла. Симпатичная, с округлым веснушчатым лицом и каштановыми волосами, у нее была какая-то интересная фамилия, что-то вроде Ван дер Хольт или Ван дер Лейк, отдающая каким-то голландским флером. Но если бы сама Марианна не знала об этом, то никогда бы не приняла ее за европейку, потому что она была типичной уроженкой Миссисипи, даже говорила с привычным для Гарварда акцентом, словно сама там отучилась не один год.

— А где твоя маленькая фея? — Фред спросил ее с легкой иронией в голосе, потому что Анжелика и правда крутилась слишком часто в корпусе философии, где проходила большая часть дня Марианны, хотя у нее не было ни единого повода там быть, но ей нравилось болтать с Марианной на перекусах или просто сидеть за столом и что-то рассказывать. И это вовсе не от того, что у Готье не было друзей, казалось, что вся академия — это ее друзья, но Брукс списывала это скорее на некую новизну. Как только эта девчонка поймет, что Марианна самый обычный книжный червь, который занимается и учится, а не всхлипывает и восклицает по каждому поводу, то ей наскучит, и она просто найдет себе новый интерес в виде куда более привлекательного и подходящего ей по темпераменту собеседника.

— Я бы и сама хотела знать. Ты ее не видел тут? — Иногда Марианне приходилось чуть скрывать раздражение в голосе, но это лишь потому, что ей не нравилось, когда кому-то давали какие-то прозвища. Она предпочитала взрослое и уважительное общение, а не клички, словно вокруг одни животные.

— Если бы она была тут, то я бы точно ее увидел, но уверен: если она опаздывает, то скоро появится... — Фред пожал плечами, а потом схватился за бокал с соком, осушая его наполовину медленными глотками.

— Ребята с факультета искусств всегда не от мира сего. Это норма, не принимай на свой счет, Мари... — Как же ее бесило, когда ее называли «Мари», словно им сложно было выговорить ее имя полностью, но Брукс привыкла, что некоторых людей проще игнорировать, чем пытаться их поучать, потому что они могут начать называть ее так из вредности, а если все это не будет производить никакого эффекта, то, может быть, им хватит сил выговаривать ее имя целиком.

— Вы еще не ходили к профессору Морвейну? — Заговорила вдруг Карла, играя со стаканом в руке, будто не решаясь выпить из него или поставить его на стол.

— А что с ним? — Спокойно проговорил Аксель, смотря куда-то вдаль в сторону профессорского состава, который восседал на небольшой сцене, расставив столы поперек столов студентов, чтобы можно было увидеть всех профессоров разом. Спереди стояла пустующая кафедра, а по бокам большие колонки, дабы каждый мог слышать голоса говоривших и тем не приходилось кричать.

— Ну как что? Говорят, что у него лучший курс по философии, а мы вроде как учимся на философии, разве нет? — Марианна готова была закатить глаза. Разве если есть какой-то реально хороший курс, то он должен быть таким избирательным? Разве нечто хорошее должно защищаться налетом элитарности и создавать намеренный дефицит и ажиотаж?

— Если бы этот курс был нам необходим, то, наверное, его внесли бы в общую программу. — Марианна говорила легко, даже не задумываясь, потому что считала, что так оно и есть. Зачем прятать что-то по-настоящему хорошее ото всех и делать такой сложный фильтр? Это казалось ей полнейшей глупостью.

— Согласен с Марианной: если бы он был так важен, то наши менторы сказали бы нам об этом. Но я чет ничего не слышал. — Фред повел плечами, поглядывая на сцену, где начиналось какое-то шевеление.

— Ну, он же не обязательный. Но все вокруг говорят, что Морвейн — особенный. Гений или безумец, не знаю. Я слышала о нем столько всего за неделю... Что уже не знаю, что и думать. Но мне все равно хочется попробовать. — О да, Марианну это тоже ужасно раздражало.

Если ты оставался с какими-то студентами наедине, то шанс того, что ваш разговор рано или поздно коснется профессора Морвейна, стремился к ста процентам, будто как в той игре в Википедии, когда нужно пройти со случайной статьи до Гитлера за некоторое количество шагов, желательное наименьшее.

— Вот попробуешь и расскажешь нам. Может, нам тоже захочется. — Ну а что, заслать шпиона в стан этого профессора было очень даже правильным решением. Сперва прощупать почву, узнать, что и как, а дальше подумать, стоит ли тратить на это время. Пока Марианна не видела никаких причин, чтобы отклониться от изначальной программы на семестр, которая и так не была такой уж простой, чтобы брать еще больше нагрузки.

— А я и попробую. Надеюсь, на выходных он сможет меня принять на собеседование. — Это даже звучало дико: личное собеседование на курс. Нет, лучше она посмотрит на это все со стороны или, может быть, порасспрашивает аккуратно Анжелику, хотя для нее это точно было болезненной темой. Потому что если ты спрашивал ее о Морвейне, то можно было смело усаживаться в кресло с пледом, заварить себе чайку и слушать огромный монолог длиной с затянувшийся подкаст. Марианна же не питала большой любви к этим подкастам ни о чем, считая полезными лишь те, где можно было извлечь какие-то знания, а не слушать бесконечные рассуждения людей о чем-то совершенно не важном. Марианна взглянула на пустое место рядом. Анжелики всё не было. Разговоры о Морвейне вдруг показались ей менее важными, чем тишина телефона в кармане.

* * *

Этот торжественный ужин становился душным и долгим, отчего Марианна еще больше ощущала в себе потребность в наличии на нем Анжелики, которая так и не показалась, а ведь именно она рвалась сюда и теперь отсутствовала. Неужели Марианна поняла ее неправильно и та хотела сбежать, просто подавала такие знаки, которые ей не удалось распознать? Может, она думала о Готье как-то превратно или поверхностно, а та оказалась с куда большей глубиной, какой-то истинной бунтаркой, способной вот так обвести всех вокруг пальца? У нее не было никаких ответов, вопросы кружились в голове наряду со скучнейшими речами профессорского состава, рассказывающего историю академии, о том, как была построена башня Агьемара, о том, сколько всего их основатель вложил в это место, что все они должны следовать его духу знаний.

Если бы кто-то из второкурсников магистратуры не притащил на эту вечеринку в тайне флягу с забористым виски, которую передавали аккуратно между философами, то она натурально свихнулась бы, размышляя о тленности бытия в этот самый момент. Под пунш им подали винные бокалы, а сам напиток имел темно-рубиновый цвет, как обычно бывало у какого-то итальянского вина, которое предпочитал выпивать отец в свой выходной. Он всегда приговаривал, что вот в Италии люди разбираются в вине и пьют его каждый день, когда-то он бывал на Сардинии и каждый свой завтрак начинал с бокала вина. Марианна никогда не могла поверить в то, что ее отец был таким человеком, способным расслабиться, ведь за последние десять лет он ни разу не взял отпуска, работал так, словно нет в этом мире ничего, кроме работы и клиентов, которым всегда старался угодить. Иногда он даже срывался на их звонки посреди ночи, будто это было самой обычной нормой.

Забористый виски скрашивал этот вечер, так же как и тихие шуточки, которые доносились от второкурсников. У них имелось прозвище почти для каждого профессора, и по своему обыкновению Марианна такое не любила, но сейчас, когда нужно было выбирать между тотальной комой и токсичными злобными сплетнями, она, пожалуй, выбрала бы второе. Она не старалась вступать в разговор, предпочитая больше слушать, порой поворачивая голову в сторону очередного спикера у кафедры, зачитывающего что-то с листа. Некоторые даже не

могли произнести свою речь или выучить ее, и не сказать, что там был какой-то сложнейший текст, который невозможно было высказать собственными словами без помощи суфлера и подсказок. Марианна сочла бы это за неуважение, но ей было откровенно все равно. Может, и для профессоров все это было не в радость, может, и они отбывали свою повинность на мероприятии, где не хотели присутствовать... Она ведь мало кого тут знала, так что едва ли могла бы судить. Для этого нужно было проучиться хотя бы семестр, проникнуться местной флорой и фауной и лишь потом давать собственную оценку. Ей ужасно не нравилось, когда люди судили кого-то по обложке, выпячивая свою поверхностность и предвзятость напоказ.

— Тихо! Сейчас должна быть очередь профессора Морвейна. — Произнес кто-то из второкурсников, шикая на них. Вроде бы это был Майкл или Мэнни, она не запомнила, да и было не важно. Но выступление Морвейна все ждали, однако Марианна не видела его за столом преподавателей. У него было место с самого края, которое пустовало с самого начала ужина. Она откровенно не понимала, чего все ждут, потому что Морвейна тут нет. Или это такой намек, что скоро все закончится? Тогда она среди первых прокричит громогласное «ура» и ринется прочь, сверкая подолом своего алого платья, которое уже казалось ей ужасно нелепым в этих стенах. Все старались выбрать тона приглушенные, более академичные: синие, фиалковые, серые, белые, черные, и лишь несколько ярких красочных капель вроде нее то и дело мелькали в этой скудной палитре.

Внезапно открылась дверь, ведущая в малый зал, который находился за спинами преподавателей. Это место среди студентов называли: «хозяйская трапезная», потому что если профессора хотели пообедать отдельно от студентов, то делали это они именно там. При этом имелаась одна интересная деталь. За их спинами сейчас была большая зеркальная поверхность, будто большое панорамное окно. Ходили слухи, в их достоверности Марианна пока не была уверена, что это так называемое зеркало с подвохом, как в допросных комнатах в полицейском участке. Откуда все преподаватели могли наблюдать за происходящим в зале, оставаясь при этом инкогнито. Ей нравилась такая мысль, потому что она отлично бы вписалась в «Гамильтон Холл», добавляя некоторого флера таинственности.

Из этой двери появился Морвейн, одетый в бордовый или даже винный фрак, сидящий на нем так хорошо, словно он родился в нем. Наряд был немного старомодным, чем-то блестящим, может, там были какие-то золотые нити в плетении, она не могла разобрать с такого расстояния. Оттуда же высыпали другие студенты, среди которых Марианна тут же признала Анжелику. Она была одета в розовое платье из чего-то воздушного, вроде тюля, и темного верха, будто миниатюрный бархатный корсет, делающий и без того ее маленькую фигурку еще более кукольной и стройной. На голове у нее был большой черный бант, а на руках были повязаны ленточки, постоянно колышущиеся при каждом движении.

Морвейн отдавал приказы, студенты суетились и бегали, вытаскивая из этого помещения музыкальные инструменты. Ого, у них будет концерт? Это и правда удивило Марианну, словно она уже ожидала чего угодно, но точно не этого. Наконец, когда все было готово, а, по ее оценке, прошло минут десять, заиграла мелодия. Это был голос Морвейна, но совершенно не такой, каким она слышала его тогда, когда он подошел к ним. Нет, это был настоящий пронзительный баритон, ложащийся на мелодию с такой легкостью, что Брукс даже не сразу узнала песню, которую он пел, потому как делал это в какой-то собственной манере, буквально наплевав на классическое исполнение.

Конечно же, это был «Hit the Road Jack», но музыкальный, легкий, с джазовой искрой, дерзостью. Марианна не знала, как ей реагировать на это, потому что внутри нее бушевало сразу две ипостаси. Она не любила различного рода аранжировки, ремейки и каверы, считая, что оригинал всегда является более проникновенным и личным, а остальное — это просто шум. Однако другая ее сторона опровергала это, говоря, что даже среди ее любимых песен и фильмов есть такие, которые не были оригиналами, а наоборот стали культовыми исклю-

чительно при исполнении другим автором, который смог найти душу произведения и явить ее другим. Марианна никогда не знала, как реагировать, так что решила отдаться чувствам, особенно когда началось многоголосие, в котором принимала участие Анжелика. Она бы и подумать не могла, что эта девочка умеет так петь. Да, у нее был звонкий и высокий голосок, приятный слуху, безусловно, но сейчас в нее словно вселилась Арета Франклин, добавляя ее звучанию особой сочности.

И это было не просто исполнение, как бывает на каком-нибудь концерте, а они буквально общались друг с другом, словно сцена была их маленьким театром, и они играли не на публику, а ради себя. Мурашки пробежались по спине Марианны, когда в дело снова вступил Морвейн, наращивая темп и добавляя характерной агрессивной хрипотцы в свой голос. Это был диалог, а не просто песня. И именно сейчас девушка заметила, что не только она, а буквально весь зал замер и затих, наслаждаясь этим представлением, потому что оно буквально схватило всех за сердца, обнажая через музыку всю человеческую натуру.

— Ох... — Марианна не сдержала собственных чувств, когда на очередном припеве Анжелика просто запрыгнула на рояль и стала танцевать и петь прямо на нем, а директор академии уже было поднялся со своего места, чтобы что-то сказать, но без микрофона его голос потерялся бы в музыкальном звучании. На сцене начинался настоящий хаос, безумие накалялось, а Марианна ощущала себя как на картине русского художника, показывающего «Последний день Помпеи». Еще немного, и мир просто обязан был схлопнуться, а пол разверзнуться, и не иначе.

Наконец музыка затихла в один миг, тишина упала на весь зал. Она даже боялась вдохнуть в этот самый момент, потому не знала, можно ли нарушить эту идиллию. Взрыв аплодисментов был подобен ночному салюту в небе, которого все ждут с ожиданием после полуночи, и вот первая легкая пауза, а потом «бам» — и все взрывается одно за другим.

— Профессор Адриан Морвейн, литература, философия и искусство, дамы и господа. — Он представил себя сам, выходя к кафедре таким ловким танцевальным движением, что его походка не могла казаться естественной. В этом было что-то отталкивающее и при этом невероятно притягательное.

— Я не просто так преподаю эти три предмета, потому что они все связаны друг с другом. Философия дает вам пищу для ума. Искусство — наполняет ваше сердце страстями. А литература позволяет им сосуществовать вместе и изливать душу на бумаге. И если вы хотите добиться успехов в этой жизни, достичь высшей точки или хотя бы попробовать найти к ней путь, а может, понять каков он, то я настоятельно рекомендую вам попробовать на мои курсы. Это касается всех, а не только новичков нашей академии. Даже если я отказывал вам в прошлом, это не значит, что откажу в будущем. Никогда не стоит экстраполировать свой прошлый опыт на будущий, пытаюсь найти закономерности. Мир изменчив, дамы и господа, и мы должны меняться вместе с ним. А посему не буду больше заставлять вас слушать очередную нудятину на десять минут и скажу вам лишь одно: вы пришли сюда не учиться, а стать теми людьми, которыми хотите стать. Не упускайте свой шанс. — Он снова сделал свой глубокий поклон, как тогда рядом с ней, его волосы скрыли лицо, а потом он резко вздернул голову вверх, развернулся на каблуках своих туфель и двинулся прочь в ту же самую дверь, откуда и появился. Студенты из его «труппы» двинулись вместе с ним, мельтеша и собираясь. Марианна даже отсюда могла видеть лицо директора академии, который перешептывался с деканом философии, неодобрительно кивая своей головой. И только сейчас она поняла, что хитро улыбается, сама того не осознавая. Это место начинало оживать в ее глазах.

ГЛАВА 2. МОРВЕЙН — ПАСТЫРЬ МОЙ.

Конец сентября предстал перед ней тремя дождливыми днями, которые выпали ровно перед выходными. Марианна не питала какой-то непонятной меланхолической любви к дождям ранее, но сейчас смотрела в окно, сама не понимая, что такого там видит. Капли стекали змейками по стеклу, бегая с хаотичной скоростью, изменяя свои траектории, и их почти нельзя было предсказать. Она не помнила, сколько уже смотрит в окно. Десять минут? Или одну? Но внутри становилось спокойно, когда она наблюдала за этим. Анжелика уже убежала в бар со своими приятелями по курсу, они вечно зависали в «Колокол и Бочка», напивались, кричали и устраивали почти настоящие представления. Это место было любимым у многих студентов. Большое двухэтажное заведение на главной улице Грейхейвена. По выходным до города даже ходил автобус, который доставлял студентов каждое утро и вечер в оба направления.

Сама же Марианна тоже собиралась выпить с новообретенными друзьями. Но они по привычке выбирали иное заведение — «Дом Агъемара». К создателю академии оно никакого отношения не имело, хотя хозяин и распускал слухи, что когда-то тут выпивал его сын, но в такое тяжело было поверить. И все же его привлекательной стороной была куда более подбабочающая тишина, возможность для более интересных обсуждений, сплетен, а также обширная винная карта. Сама Марианна была не любительницей алкоголя и не питала к нему слабости, но ничего не имела против бокальчика или просто посидеть с ним, не пытаясь перепить, а скорее для антуража в общей компании. Ей иногда нравилось побыть одной, но все же студенческая жизнь требовала некоторой социализации, и не хотелось отвергать эту сторону своей жизни.

— Привет. — Она мило улыбнулась, открывая дверь, когда в ее комнату общежития вошел Гаррет Сайкс.

— Ты готова? Ребята уже ждут в машине, но я сказал, что заскочу лично. — Гаррет был ее парнем, ну или кем-то, кого можно было так называть с натяжкой. Она не могла сказать, какие между ними отношения сейчас. Они познакомились пару недель назад, общались, виделись, даже посещали некоторые семинары вместе, ну и пару раз целовались. Ничего более, Марианна не спешила кого-то подпускать к себе слишком близко, но и не отгораживалась стеной.

— Конечно, готова, только тебя и ждала. — Она кокетливо улыбнулась ему, слегка приободряясь, а потом быстро нырнула поближе, оставила легкий, почти невесомый поцелуй на его щеке и быстро подалась в сторону выхода, чтобы у парня не осталось никакой возможности даже коснуться ее. Ей нравилось создавать это ощущение миража, словно она была и ее не было, был поцелуй или ему показалось?

— Удивляюсь, как ты так быстро собираешься. — Если бы он знал, что она не сильно и собиралась, то, наверное, удивился бы. У других девушек часто бывали какие-то дилеммы, что надеть, как выглядеть, а она была просто собой и не заморачивалась на сей счет. Если ему что-то не нравится, то может найти себе другую. Он ей был нужен не настолько, чтобы Марианна хоть что-то делала для этого. Просто Гаррет оказался куда более приятным, чем многие другие. А еще он был с факультета искусств, но тем редким человеком, что не отпускал вожжи реальности из своих рук. Он учился дизайну промышленных вещей или бытовых вещей, она так и не запомнила правильное название, но он просто делал вещи вроде посуды, мебели, микроволновки и всего такого. Не каких-то там заумных и непонятных, а самых обычных, что есть в доме каждого. К тому же Гаррет ориентировался на «эконом» сегмент, желая привнести в него максимум практичности и эстетичности, что также импонировало Марианне и ее взгляду на жизнь.

— Выглядишь свежо, а эти сережки тебе особенно идут. — И это тоже нравилось в нем. Он не говорил «ты красивая» или «обожаю тебя», никогда не пытался комментировать ее

внешность. Каждый его комплимент был легким и уважительным, чуть-чуть вычурным или остроумным. Ну и стоило отдать должное, что Гаррет умел подмечать какие-то незначительные детали, что упускали другие. Конечно, ее сережки были самыми обычными серебряными колечками диаметром в пару дюймов, и не было в них и капли особенного, но он все равно не упускал их из виду. Это всякий раз льстило девушке, и потому она думала, что такой человек заслуживает шанса.

— А ты сегодня решил нарядиться, как денди? — Станным образом в академии его можно было встретить в очень невзрачной одежде, постоянно заляпанной красками или следами от стружки. На нем были эти противные свитеры, в которые люди наряжаются на Рождество, порой дырявые и как будто проеденные молью. Штаны он вечно подгибал, отчего выглядел малость нелепо. Марианне до этого дела не было, она не судила людей по их внешнему виду, хотя и считала, что одеться прилично не самая сложная задачка. Но творческим людям можно было простить их манеру забывать о реальном и жить в мечтах. Однако если он собирался на мероприятие или в бар, то надевал костюм-тройку или как минимум пиджак, начищал свои коричневые дерби и даже повязывал галстук, отчего смотрелся неестественно, словно джентльмен с плаката магазинчика по частному пошиву одежды.

— Мне нравится, как ты смотришь на меня в этой одежде. — Если бы он только знал, что Марианна смотрела на него так не потому, что испытывала какой-то сексуальный интерес или влечение, а потому что малость хихикала и подтрунивала над его нарядом. Не из злобы, а просто ей это казалось перебором, создавая ощущение, что Гаррет слишком сильно старался ее впечатлить. Но в этом она точно не была уверена. Может, он всегда был таким?

— Ты уже думал, чем будешь заниматься после выпуска? — Сайкс учился на четвертом курсе бакалавриата и был ровно на год моложе самой Марианны. Возраст ее никак не смущал, да и она не думала, что их отношения даже в лучшем случае смогут продлиться дольше этого года в академии. Скорее всего, они не дотянут даже до конца семестра, но попытка не пытка, как говорится.

— Думаю вернуться в Нью-Йорк. Отец говорит, что может выделить мне стартовый капитал для моего дела. Миллион долларов или около того. Попробую открыть свое небольшое производство, раскручусь, а дальше посмотрим. — Миллион долларов. Это звучало так легко, словно было нормальным. Но Марианна осознавала, какой контингент студентов учился в «Гамильтон Холл», и Гаррет Сайкс был ровно тем человеком, что отчасти олицетворял этот некий абстрактный облик.

— Ого, целый миллион, а ты, я смотрю, его любимчик. — Она скорее малость подтрунивала над ним, но без какого-то умысла, просто так. Ведь по факту сумма и правда была космической для ее жизни. Конечно, Марианна не была из бедной семьи, однако ей бы никто не дал миллион долларов, для ее семьи такие цифры были уже слишком существенными, чтобы растрачивать их на различного рода авантюры.

— Это способ папочки, который любит свой хедж-фонд больше меня сказать мне «я тебя люблю где-то на миллион долларов». Если честно, в его мире это не такая уж и сильная любовь. — Это не просто было осознать, что даже у богатых полным-полно своих проблем, так что Марианна решила попросту сменить тему, зацепившись за сказанный им Нью-Йорк, ведь по какой-то нелепой причине она даже не подозревала, что он оттуда.

— Круто. Скажи мне, а почему я думала, что ты из Бостона? — У него был бостонский акцент, как ей казалось, но, может, она попросту ошиблась...

— А я и есть из Бостона. Моя мать живет там с отчимом, а отец в Нью-Йорке. Они развелись лет десять назад. Я жил то там, то там, но последние три года провел на Манхэттене, в нижнем Ист-Сайде. — Марианна испытывала настоящий шок, потому что попросту не ожидала встретить кого-то еще из Нью-Йорка. Хотя это было и странно, ведь со статистической точки зрения это вполне реально, Нью-Йорк огромный город. Но тут ведь такое попадание...

— Я тоже из нижнего Ист-Сайда... — Ей уже стало любопытно, где он там жил. Потому что район не самый премиальный и богатый, есть места получше ближе к центру, но родители поселились там и уже не хотели переезжать, решив сменить квартиру, но не район, который им понравился.

— И где ты там живешь, если не секрет? — Тайну из этого Марианна делать не собиралась, так что, наслаждаясь прохладным воздухом, который ударил им в лицо, когда они покинули здание общежития, выпалила адрес. Гаррет раскрыл свой зонт-трость, под который они аккуратно уместились и стали двигаться в сторону юга и главного корпуса, за которым находились ворота академии.

— 100 Норфолк-стрит. Это практически на углу...

— С пересечением на Деланси-стрит. — Он закончил фразу за нее, чем вызвал неподдельное уважение. Кто-то знал не просто адрес, не просто говорил «я тоже из Нью-Йорка», а он буквально знал это место, иначе она не могла объяснить.

— Откуда ты...? — Вопрос не успел повиснуть в воздухе, потому что улыбка Гаррета уже буквально готова была разразиться в ответе, который ему не терпелось дать.

— Я живу в высотке напротив, 105 Норфолк-стрит, там отец снимал мне жилье.

— Так ты все это время жил у меня прямо через дорогу, и мы ни разу в жизни не пересекались?

— Да уж, охреть просто совпадение. — Гаррет повел плечами, но можно было заметить, как выпрямилась его спина, как он буквально засветился от такого, словно сама судьба своим перстом указывала ему очевидную вещь — вот она, та самая девушка, которая тебе нужна. И ирония была в том, что потребовалось проехать сотни километров, чтобы повстречать ту, кто жила всего в сотне метров от него. В этом и правда было что-то особенное, однако Марианна видела скорее издевку или подлость, которую часто подкидывает судьба людям, когда намеренно создает им сложности и вставляет палки в колеса.

— Как насчет маленького опроса? Давай вместе одновременно назовем три любимых места в Нью-Йорке? — Марианна спокойно кивнула, вспоминая все места, что были ее любимыми. Она не слишком любила гулять и больше времени проводила за книгами, если быть честной, однако не поддаваться шарму Нью-Йорка было просто невозможно.

— На счет три. Раз. Два. Три... Линкольн-центр. Брайант-парк и библиотека. Фрик-коллекция в верхнем Ист-Сайде.

— Линкольн-центр. Публичная библиотека на пятой авеню. «Strand Bookstore». Два из трех! — Марианна не сдержалась и рассмеялась, а потом за ней рассмеялся и Сайкс. Они так и шли до самой парковки за воротами колледжа, просто болтая теперь о Нью-Йорке и не в силах остановиться. Она и не думала, что продолжение этого меланхоличного дня может стать настолько легким, как будто ты встретил кого-то особенного, старого друга, которого уже не видел тысячу лет, и вот теперь вы разговорились и сплелись языками так, что не расцепить.

(комментарий автора: главное здание Шварцмана нью-йоркской публичной библиотеки находится между 5 и 6 авеню в Мидтауне, рядом с Брайант-парком, так что несмотря на то, что название мест кажется разным, они оба имеют в виду одно и то же место.)

* * *

— Все уже получили свои результаты? — Марианна на самом деле не очень понимала, о чем говорит Карла, причем так, словно все остальные должны были знать. Иногда темы менялись так быстро, что она, засмотревшись куда-то в сторону, теряла смысл слов и не всегда могла уловить его, ощущая себя слегка дурочкой, не способной поддержать разговор только по причине того, что тот был ей не сильно интересен. Но всегда можно было сделать вид, что она слишком увлеклась Гарретом и впала в так называемую влюбленную кому, когда ничего

не видишь, кроме одного-единственного человека, что становится центром твоей вселенной. Это объяснение всегда казалось самым логичным для всех, а Марианна не пыталась его опровергнуть.

— Ожидаемо мне отказали, мое интервью продлилось минут пятнадцать, а потом мне вежливо указали на дверь. — Аксель даже чуть улыбался, словно он специально добивался такого результата. Марианна не слишком понимала, о чем они талдычат, что за интервью и куда они все пробовались?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.